

Глико,
Совершенно никто.

Ульяна Петрова

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ульяна Васильевна Петрова

Никто, совершенно никто

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70257571

SelfPub; 2024

Аннотация

Юная девушка ухаживает за своей больной бабушкой. Во время этого периода она осознаёт многие вещи о жизни, смерти и любви.

Ульяна Петрова

Никто, совершенно никто

1.

Вы какой любите суп? Ну там щи, борщ, сырный, грибной, уха? Я разные супы люблю, даже те, которые никто не любит: рассольник или свекольник, например. Только молочный – не особо, потому что это не суп. На месте всех супов я провела бы референдум и отсоединила молочный суп от состава мировых супов. Так вот, кроме молочного есть один суп, который я ела... ну... не много раз, и который я вообще-то не хочу больше есть. Но вот ем... приятного аппетита. Спасибо! Я вообще не знаю, какой у него вкус. Цвет светло рыжий, а вот вкус?... В общем, это суп со слезами. Наверное, пробовали в детстве. Это когда надо есть, но еще больше надо плакать, точнее не плакать нельзя, не получается, да. И вот ты сидишь, слезы льются ручьем, сопли в носоглотке, и вся эта жидкость смешивается с жидкостью супа... и надо бы слезы вытолкнуть из себя, но вместе с супом они попадают назад, круговорот слез в организме при содействии супа. М-да. По какому поводу суп? Ну обед! По какому поводу слёзы? Ну... тут, конечно так просто, как с обедом, не ответишь... Но, сейчас... я попробую. Только еще ложку... Ну в общем... не могу сказать извините, суп со слезами он вообще-то очень

тяжелый, он как будто свинец, или типа того, короче, он с трудом проходит. Давайте заново. По какому поводу суп? Ну ... обед! По какому поводу слёзы? ... Ну ... умирает моя бабушка, да... вот сказала.

2.

Милая простынка с щенками- далматинцами. Ну щенки не настоящие, конечно, они мультяшные. Они все в разных позах: играют с мячом, пьют из миски, улыбаются. Да, мультяшные щенки умеют улыбаться. Настоящая собака ведь улыбается только когда у нее отнимают кость. И улыбка такая типа «Отойди и не прикасайся». Улыбки далматинцев на простынке – это наоборот «Ложись, и прикасайся, можно нас даже немного обоссать, наши улыбочки не смоеет ни моча, ни кал». В общем вот далматинцы и вот моя бабушка, вот мультяшные собаки играют с мячом, вот она лежит. Наверное, это все, что вам нужно сейчас знать о нашей ситуации. Ну что еще добавить... щенки на голубом фоне... И вообще простынь старая, и вообще, я думаю, надо их, этих щенков сраных заменить совсем, на какие-то менее ... ну вы понимаете ... вещи ...цветочки ягоды я не знаю, что нет других простыней в доме?

3.

Я решила переехать к бабушке еще давно, ну во первых, мой папа сказал мне «Тебе не стыдно, 21 год, а ты еще жи-

вещь с родителями?» я тогда обиделась и наметила курс на родителей родителей, на бабушку то есть, но вообще-то она уже тогда была очень слабая, у нее болели ноги и она редко выходила из дома. Однажды она просила купить ей молоко и пряники, я, как всегда, обозлилась, сказала, что у меня универ, не знаю, наверное, нет. Но после универа я успокоилась, купила молоко и пряники, как бабушка любит – чёрствые, по уценке. Иду к ней, довольная собой, прихожу в её квартиру, а её нет дома и сотовый оставила... Ну ладно, я подожду. Но ожидание длиной в час ничего не принесло и в два тоже... Нету. Я звонить, как это в детстве говорили, «Я уже все морги и больницы обзвонила», причем, морг на первом месте, как будто в первую очередь родители все-таки надеются, что мы все-таки сдохли... Но я вообще-то хз, как звонить в морг, поэтому я сразу набрала в БСМП.

– Пожилая женщина, 78 лет, волосы белые, короткие, с палочкой, маленькая.

– Привезли, да, лежит в травматологическом, приходите. Вот это «приходите» для меня был самый мучительный путь на земле. Я минут 15 бежала по тротуару, постоянно оступаясь и падая в лаву своей дурной фантазии: бабушка в гипсе вся. Бабушка без головы. Бабушка без рук и ног. Бабушка без половины туловища. Только голова бабушки. (Такое вообще возможно?) Ну в общем, да, я сразу решила подготовиться к худшему. Но вот я прибегаю в травмпункт, забегаю на этаж, ищу ее там, среди палат... И нахожу. Бабуш-

ка лежит, нога поднята, на вытяжке. В коленку вставлена какая-то конструкция, которая ногу, держит и вытягивает. В остальном туловище на месте, голова тоже.

– Милочка, как ты меня нашла?

Я плачу, и глажу бабушку по голове.

– Ну вот нашла.

И так все это начинается.

4.

Все меня жалеют. Обычно же считается как...ухаживает за стариком тот, кому отойдет квартирка. Выхаживают старика, вынашивают квартирку. Надо потерпеть вонь и всякую дрянь, зато никакой ипотеки. А меня жалеют потому, что эта квартира достанется моему дяде. Мне шиш. Ну и ладно, я все равно отсюда уеду, зачем мне эта морока? Продавать я не умею, это заморачиваться. Сдавать – еще хлеще, что я не знаю как себя квартиросъемщики ведут? ... А это же типа мое любимое место с детства, любимее, чем родительский дом. Здесь всегда было мило и уютно. И сюда солнышко приходит не на рассвете, как у мамы с папой, а на закате. И вечером квартира заливается золотом. Красиво, хоть и сложно летом смотреть телевизор, против света. Тут вечером надо болтать, играть в домино или чистить грибы, ягоды. Тут вечером даже мутные разводы на окнах- красиво. Романтика. В общем, это я все к чему ... дяде достанется квартира... но дядя в другом городе живет и у него очень много забот, он

типа самый богатый в нашей семье, но дядя он же еще и первый бабушкин сын. Совесть гложет человека, не из-за меня, я-то че, из-за неё. Она все-таки- мама, мама у нас, как известно- одна. Приезжает дядя только по выходным. Со стыда тратится: заваливает холодильник едой, состав всегда один и в основном мы с бабушкой другим питаемся. Он привозит разные колбасы, готовые салаты, печеночные какие-то пироги, йогурты, и самый топ- детские каши, Агуша там, Фруто- няня, ну каши, пюре, в баночках вот этих для грудничков. Ягодные и фруктовые- вкусно, я сама ем. А вот всякие там с уткой и брокколи- мерзость, ну это пока не посолишь, а как посолишь- нормально, и за паштет сойдет. Вообще странно, что он это все везет, видимо, наслушался бабушку.

– У меня зубов то нет...

Пиздеж, есть у нее зубы. Ну да ладно, в общем, так как большую часть времени его нет, дядя придумал схему. Он повесил камеру наблюдения, ну как камеру, поставил на зарядку какой-то старый сотик, повесил его на машинное крепление и через программу какую-то передает нон-стопом изображение на свой телефон. Так что у нас бесконечный зум – созвон с дядей, только он всегда молчит и просто наблюдает. Биг бразер из вочин ю... Биг анкл из вочин! И вроде все в этой схеме нормально: если меня дома нет, а бабушка попробует встать и грохнется, он это увидит, приедет, пришлет вертолет, собак- поводырей, я не знаю. Схема ок, если бы не одно НО! Куда ты дядя камеру повесил? В кори-

доре ты её повесил! Блядь! А ничего, что там хожу я? А это ничего, что я хожу в трусах а иногда люблю ходить и голая? А? И ведь логика такая логичная, дядя радиофак закончил, в комнате над бабушкой вешать нельзя, ее же надо подмыть, переодевать и все такое. Кому хочется смотреть на голую старуху? То ли дело на голую молодуху! Не думаю, что дядя преследовал такие цели... думаю он просто хотел, чтобы я никого домой не водила и вообще жила прилично. А я что? Ну во-первых: продолжила ходить в трусах, я думала, он от смущения будет отключаться, я еще иду и по-бунтарски показываю в камеру фак, мол хотел че то там видеть – смотри! Короче, с этой темы я дико бесилась, но случай с камерой разрешился просто: крахом технического прогресса: телефон был не очень молодой и от этой программы перегревался и прога вылетала. Дядя еще звонил тогда мне, и не стыдно? Звонил и просил перезапустить. Ага щас! Я перезапустить то перезапускала, а потом просто изловчилась и пальцем подлезала, выключала эту программу- перегрелся, извините, из дома ушла – далее помочь ничем не могу.

5.

Я готовлю бабушке завтрак обед и ужин. Если завтрак и ужин мы едим с ней вместе, то обед еду я ей оставляю в контейнерах, рядом с кроватью. И обычно это какое-то третье блюдо. Вообще тайминг у меня жесткий, утром мне надо в универ, либо на работу – все это еще в другом горо-

де, ехать часа полтора- два. Словом, встать приходится довольно рано, потому что надо приготовить, нам, коту, плюс – все это там ей помыть, поменять, тут без подробностей. Короче, варю на завтрак кашу из одной крупы, которую я купила, а на обед надо что-то другое- другую кашу, обед же. И я беру крупу откуда-то из глубин бабушкиного шкафа. Эти люди советской закалки, у них всегда пуды соли сахара и разных круп. Люди, пережившие войну, всю оставшуюся жизнь готовы к новой войне. Короче, в этой вот второй каше, в ней завелись какие-то червяки. Ну точнее, наверное, это какая-то муха отложила свои личинки. На сухую не видно, но в воде, при варке, все эти ребятишки, они всплывают. Когда бабушка еще ходила, она мне частенько подавала эту кашу, ну не со зла, просто зрение... она не видела просто этих червяков. И вот я варю, тупо смотрю на всю эту картину. Вода кипит, червяки сварились. Доп. белок. Ха! Не, ну в Китае или где там, в Азии, едят же это все говно, еще и живьем. Время поджигает. Скоро электричка. Еще и утренняя каша вся кончилась, и ничего, как назло, в холодильнике... Не, ну если бы она сама решила бы сварить эту кашу, она бы ее просто съела, она и ела её, сто процентов, просто не замечала червяков... Пока каша была еще внизу, а вода наверху, я попробовала их поковырять... Ну какие-то ушли, но не все, их вообще было не мало. В общем... что! Что? Газ выключается. Контейнер закрывается крышкой. Контейнер помещается около кровати.

–Пока, пока, до вечера. Если что- звони!

Ага, звони, например, если увидишь в каше червяков, и захочешь сказать, что у тебя самая стрёмная внучка на свете. А может аппетита не будет и она не съест? Я ушла... Но эти червячки, хоть и варёные, долго-долго копошатся в моей голове: ты ужасный человек, ты просто ужасный человек, в следующий раз сама сядешь и сожрешь целую тарелку такой каши, поняла?

6.

–Ну что сказать, Валечка, лежу и лежу, что тут сделаешь? Нога болит, спина болит. Наказание божие... Валя... Мне бы знаешь что?.. Немножечко, этого, ну чтобы закончить уже это мучение...

– Да прекрати, ты, как можно?

– Тьфу, как можно, как можно...

Это бабушка просит свою подругу по химическому институту раздобыть цианистого калия. Чтобы это... ну понятно, в общем... Мне понятно её желание... И в то же время, я бы предпочла таких просьб не слышать, но иногда она просит меня. Цианистый калий? Это что вообще? Мышьяк знаю, таблетки там, а цианистый калий звучит, блять, как удобрение для цветов.

7.

Раньше у бабушки жила беременная кошка, кошка была

старая, стерилизовать ее никто не собирался, а кричать – надоедала, поэтому к ней приводились разные коты и её, кошку эту, брюхатали. Однажды, мне было лет 9, я пришла к бабушке в гости.

– Пойдем, что покажу!

Наверное, кошка родила. Я иду по коридору, захожу в ванную. Бабушка очень увлеченная, поворачивается ко мне лицом.

– Смотри!!!

У нее в руках полиэтиленовый пакет. В пакете штук 10 трупов котят. «Вам достается кот в мешке, кому будете передавать?»

– Смотри какие красивые! А этот вот рыженький мог бы быть, а этот черный, а этот серый.

– Ты утопила?

– Нет, боже, ты что, они мертвые родились, не справилась старуха. Ладно хоть сама жива осталась. А каких красавчиков носила...

– Угу.

У меня не бывает рвотного рефлекса, но в этот момент захотелось, чтоб лучше бы был. Потому что мертвых котят я до сих пор ношу в себе, а надо бы вытошнить...

8.

Мы живем в двухкомнатной квартире. Когда бабушке что-то нужно, она стучит в стену, иногда кричит, но стук эф-

фективнее. Папа ей дал специальную палку для этой цели. Да, вот только стук не доходит до папиной комнаты... она же... в другой квартире, на другой улице и в другой части города. Ну да ладно. В общем Стук.Стук.Стук... пауза... Стук.Стук.Стук. В детстве у меня была такая книжечка- сонник, это который сны расшифровывает, типа приснилась река – это к переменам ну... и тому подобное. Там я вычитала страшилку, которой боюсь до сих пор. «Глухой стук снится к смерти близкого родственника». Мне кстати никогда не снился этот стук, это вообще странно представить, чтобы тебе приснился именно стук, во снах там же обычно столько белиберды, всякие сюжеты... но чтобы просто стук... Стук в стену, стук по стеклу, стук колес, когда едешь куда-то, стук голых пяток по полу, стук сердца... все это в каком-то смысле- глухой стук- предвестие смерти, вопрос во времени. Когда? Вернее: сколько? сколько стуков еще отмерено? И когда этот сон станет явью? Стук.Стук.Стук. Сколько?

– Да сколько можно стучать? Иду я, иду!

9.

Пасха! Ура! Ну кто не любит пасху? Я вообще-то к ней отношусь не то чтобы всерьез, особенно в этом году... ну, если честно, мне просто нужно сегодня идти пить, отмечать мой день рождения, веселиться и прочие прелести молодости... Но, пока я дома, и пока я не ушла, я придумала бабушке интерактив- мы разукрашиваем яйца! Я не вот что-

бы сильно подготовилась, просто сварила белых яиц, вручила бабушке кисточку, гуашь, подперла под спину побольше подушек, усадила её- рисуй! Кстати, я не думала, что она согласится, но вот она уже 5 минут старательно выводит что-то на яйцо. Когда думаешь о разрисованных яйцах, что приходит в голову? Хэ Вэ, крестик, я не знаю, кролик, на крайняк: солнышко, цветочек, вся вот эта ерунда. Да! Я смотрю на яйцо: бабушка начертала красный круг, под ним какой-то овал, под ним две длинные колбасы, тоже красные, ни на что вышеперечисленное это не похоже.

– Баб, это что?

– Это яйцо для Антона!

(Антон, это мой двоюродный брат, бабушкин первый и единственный внук)

– Здорово, понятно, яйцо для Антона, но на яйце то что?

– Это невеста для Антоши, а то нет у него.

– Аааа. Ноги у нее длинные

– Да, как у тебя, длиннющие

Антон за своей девушкой... за своей яичной девушкой, так и не заехал. Я ушла пить, и бабушка встретила воскресенье христово в одиночестве. Ну ничего, Христос Воскрес, а еще Талифо Куми... встань и иди... может и у нее получится.... А яйца? Яйца мы поедем яйца завтра, их вообще-то всю неделю теперь можно есть.

Кроме бабушки у меня есть кот. А кроме бабушки с котом у меня есть парень- Леша! Он не очень хороший парень, но я его люблю и многое ему прощаю. Леша не живет с нами, он живет- где придется: у отца, у друзей, в Екатеринбурге. Он бы может и жил у нас, но мне нельзя, да, если честно, я и не спрашивала, не хочу. Но Леша часто приходит к нам ночевать, хитро, в обход еще иногда работающей камеры, с закрыванием и открыванием бабушкиной двери.

– Ба, я закрою дверь на минуту, у меня котлеты подгорели, надо проветрить.

Я, не дожидаясь ответа, главное ведь, оповестила, закрываю дверь в бабушкину комнату. Входная дверь открывается. Входит Леша. Входная дверь закрывается. Бабушкина дверь открывается- идеально! Как Леша ночью ходит в туалет? Лучше не спрашивайте. Нет, ходит конечно, но аккуратноненько- потому что туалет практически напротив бабушкиной комнаты и через зеркальный трельяж всех посетителей хорошенько видно. Мы с Лешей, как это свойственно многим молодым людям, достаточно сильно любим секс. И друг друга. А вот бабушка к сексу, по-моему, не очень. Секс. Стук.Стук.Стук. Секс. Стук. Нет, это не мы стучим кроватью. Это бабушка стучит в стену. Что общего между сексом и грязной уткой? Привет, это Я! Знаете, это непросто, вдруг взять и перестать думать об этой утке. Вначале она всегда была где-то рядом. Рядом страсть и грязь, вожделение и жалость, молодость и старость. Сначала от этого было неловко,

но потом они все как-то подружились что-ли.

11.

Я очень много пью! Поймите меня правильно, у меня идут последние года в универе и у меня друзья. И у меня... а вообще нужно прям объяснять причины? Пью и все! Много и все! Особенно много бывает пива. Но пить мне, если честно, очень нелегко. На мне ответственность: ибо сколько бы я не пила, мне нужно вернуться к бабушке. Я учусь в другом городе, последний автобус уезжает в 22:49. Именно, 49! Накинуть единичку для молодой алкашки – да ну зачем? А эта минутка мне может жизнь спасет, ну ладно. Короче, с этими пьянками всегда нужно быть на чеку, чтобы не пропустить автобус, иначе придется ехать на такси. Это дорого, как правило дороже той суммы, что я пропиваю, а пропиваю я немало. Ладно. Мои друзья могут тусить всю ночь и пиво тянуть на подольше. У меня времени в обрез, поэтому я заливаю в себя одну за одной и одну за одной! Хотя, наверное, все вот – просто оправдание. Я тупо не умею пить. Короче, долгая, около часа, дорога домой – это всегда увлекательно. Варианта тут два, либо я просплю остановку, очнусь уже где-то на окраине города, и надо все равно вызывать такси. А второй вариант – это тошнота. И тут уже не про сон. Я еду домой, в салоне автобуса долго не выключают свет, и я, к несчастью, вижу в отражении в окне свое наглое тупое и уставшее лицо. Оно расплывается, меня тошнит, и я ненавижу это все. Эти пять бокалов крафтового пива, этот автобус, эту себя, эти

оба города, между которыми пролегает эта дорога, которую я тоже ненавижу, потому что от нее автобус трясёт, меня мутит и так по кругу. И лишь бы дотерпеть до своей остановки, лишь бы не выходить блевать на трассу. Я терплю, и я благополучно выхожу на своей остановке, а из меня благополучно выходит лишнее пиво. С облегченным желудком, но совсем не облегченным сознанием, я топаю домой. Бабушка лежит со светом, наверное, мама заходила. Это хорошо, значит можно без ужина. Я пытаюсь аккуратно выключить свет и удалиться в свою комнату. Она открывает глаза.

– Я уже думала, ты не приедешь.

Надо попытаться сделать беззаботный и веселый вид. Щас.

– Да ты бы позвонила, если переживала, а я че то задержалась маленько, да.

– Какая-то ты веселая приехала, Уля.

Веселый вид сработал чуть больше чем надо, она спалила меня. А может нет, я не знаю, а она все равно напрямую не скажет.

– Ладно, я спать, утром поболтаем.

– Я заснуть не могу.

– Давай я радио включу.

– Нога разболелась. Прямо мучение. Сделаешь укол?

Врач прописал при сильной боли колоть бабушке обезболивающий укол. Внутримышечно. Вроде как от уколов меньше нагрузка на печень, чем от таблеток... и действуют быст-

рее.

– А может таблетку просто. Ночь уже.

– Я мучаюсь, Уля, давай укол.

– Ладно. Давай.

Укол – это не сложно. Я беру шприц. Хотя нет, шприц чуть попозже. Хотя нет, все-таки сначала шприц. Беру шприц, надеваю иголку, немножко снимаю колпачок. Афи-геть, успех. Дальше надо открыть ампулу. Для того, чтобы ее открыть, в упаковку кладут такой плоский камешек круглый... или это не камешек. Короче, им надо поскрести ампулу в одном месте, потом надломить, потом стекло ломается по ровной линии. Я поскребла. Упираюсь пальцем, надавливаю на стеклянную пимпочку ампулы. И! Да! Класс, она раскалывается, стекло прорезает мне палец. Моя жидкая пьяная красная кровь быстро и залипательно течет по руке вниз. Красиво.

– Ты скоро там?

– Да.

Моя кровь не попала ни на иглу, ни в сам препарат, не парьтесь. Она просто залила все вокруг, стол и даже джинсы. Надо вытереть и продезинфицировать. Мне на секунду даже пришла мысль продезинфицировать своей слюной, спирта то там дофига... Шутка... я просто прижигаю рану борной кислотой, щиплется. Я зажимаю порез ватным диском и набираю в шприц лекарство.

– Давай, на бок.

Я толкаю и поворачиваю бабушку. Осталось дело за малым- уколоть этот кровавый укол. Внутримышечно... Внутримышечно да, какое- тут. Вы когда-нибудь видели попу старого человека? Там максимум внутрикожно. В общем, не знаю, успешно или нет, бабушка терпеливый человек, она промолчала, я сделала укол и пошла спать.

– Спасибо, миленькая.

– Не за что, бабуль, спокойной ночи.

12.

– Ты уходишь?

– Ну да (я кричу из коридора) Я в универ.

– Покажись хоть, я на тебя посмотрю.

Я захожу в комнату.

– Вот

– Тьфу, зачем каблуки надела, и так высоченная, как мать.

– Да каблук маленький

– ты и так высокая, а сейчас всех парнишек выше будешь на голову.

– Ну и буду, тебе то что?

Я с силой бахаю дверью, да пошла ты, выше не выше, какая разница. Я спускаюсь до первого этажа... Выдыхаю, поднимаюсь обратно, открываю дверь её комнаты. Наверное, надо что-то сказать. Она лежит с задраным вверх подбородком, так люди делают, чтобы не плакать, смотрят вверх, чтобы слезы не полились. Но она как будто плакать не собирает-

ся, по-моему, это злость. Я оставляю дверь открытой и ухожу, вечером помиримся.

13.

– Улечка, ты куда-то уходишь сейчас?

– Нет пока, а что?

– Включи мне Максима!

Максим – это Галкин, он ведет шоу на первом «Лучше всех» про маленьких и очень талантливых детей. «Надоело быть маленькими-миленькими. Надоело быть маленькими-миленькими». И так далее. Мы с бабушкой обожаем это шоу. Полина 3 года- самый маленький повар. Маленькие гимнасты близнецы Артем и Кирилл делают сальто. 7-ми летний киргиз Албан из города Каракол прекрасно разбирается в животных субтропиков. Влад Пасечник, 4 года- лепит невероятные фигуры из пластилина. Маленькая бесстрашная циркачка Лиэль делает кульбиты на обруче, подвешенном у потолка. «Лучше всех- лучшие дети страны. Лучше всех- попробуй повтори...». Я увлечена шоу только процентов на 50. Остальное время я смотрю за бабушкой. Она так радуется, глядя на этих маленьких всемогущих людей, что я радуюсь, глядя на неё. И мне всегда хочется плакать. Как будто, даже от счастья.

14.

Моя жизнь вообще-то капец какая насыщенная сейчас.

Утка, таблетки, готовка, протирание спины спиртом от пролежней, сделай радио погромче, сделай радио потише. Это я шучу, жизнь правда насыщенная, я работаю, учусь, даже путешествую. Еще я в театре играю, ну студенческом, короче, я живу на полную. Говорят, когда человек много видит, его мозг медленнее стареет, ну якобы впечатления питают его и замедляют какие-то там процессы. Стена. Ковёр. Часы. Дверь. Кусочек коридора. Кусочек входной двери. Радио. Одеяло, собственные ноги. Иногда кот. – Вот все вещи, которые ежедневно видит моя бабушка. Я понимаю, что это очень мало и очень не поможет остановить старение мозга. Поэтому я пытаюсь бабушке показывать кино, опять же Галкин, одно время я хотела переставить кровать к окну, в окне хотя бы птицы летают. Она не захотела, ей ценнее знать, кто уходит и приходит в квартиру. Единственное, как я могла расширить бабушкин угол зрения- рассказывать ей что-то. Рассказывать каждый день, когда приходила домой.

– Ну расскажи, что у тебя новенького.

Я начинаю спокойно.

– Да, ничего

– Ну что, прям совсем ничего интересного не произошло?

– Баб, че ты пристала, если я сама захочу, я приду расскажу, че ты меня допрашиваешь?

И снова я хлопаю дверью. Я ненавижу себя за это и сильно ругаю. Кажется, что каждый раз, ругаясь на бабушку, я обижаю ребенка. Но ведь я только получила сама свою соб-

ственную жизнь её так мало мне самой, мне до нее так жадно. Она моя, поймите, моя, эти глаза мои, это они видели и руки мои они что-то там трогали, мои ноги меня отнесли туда, где было интересно, красиво и пьяно. И время это моё. С чего бы вдруг я буду тратить его на эти долгие рассказы. Нет, такой жадиной быть нельзя, ты же видишь, у нее нет, у нее уже почти ничего нет, её почти уже нет, так дай. Я не могу дать, я не могу побороть свою злость, я ничего не могу.... Но самое главное, я, пожалуй, не могу смириться с тем фактом- что все это, с бабушкой – это уже дорога только в один конец. Бабушка иногда спохватывается.

– А где штаны мои?

– А тебе зачем?

– Как зачем, в магазин сходить если нужно будет... или на природу.

– Бабуль, ну как соберешься, ты скажи, я тебе их сразу подам.

Раньше бабушку было не удержать на одном месте, она постоянно шлялась по магазинам, рынкам, чьим- то чужим садам, кладбищам. Ну знаете, эти кайфовые бабушкинские развлечения. Бабушка бодро передвигалась по свету с палочкой, у нее одна нога короче другой. Старый перелом плохо сросся. Она подкладывала в один ботинок такую стельку из пенопласта и ничего. Но однажды ей государство выделило Бесплатную!!! ортопедическую обувь. На разные сезоны: туфли, ботинки, сапоги- и все это со специальной, уже цель-

ной платформой, ничего не вылетало, не скользило – огонь-ходи сколько влезет! В общем, до государства как-то не дошло, что бабушка перестала ходить и каждые полгода они присылали свои письма счастья: «Готова ваша новая пара обуви, можете забрать ее по такому-то адресу». Адрес, кстати, в другом городе, но это не суть.

– Уличка, ты съездишь за ботинками?

– Баб. У тебя старые 3 пары еще лежат ненадёванные ни разу. Ты эти штиблеты уже 4 года носишь.

– Ну и что, пригодятся.

– Куда пригодятся? Солить?

– Ну, когда я начну снова ходить я надену новые!

– Прям начнешь? Прям наденешь новые? Прям из коробки?

– Уля, какая ты вредная девка я не могу, они же бесплатно
Я поехала в этот ортопедический салон. Забрала эти башмаки и положила перед ней.

– На

– Забрала? Ну надо же! Какая ты молодец.

И ботинки легли на полку к своим коллегам, обреченные на бесполезное лежание.

15.

Вообще-то бабушка не всегда лежала, прям лежала. После того самого перелома ей сделали операцию: вставили там какой-то болт в кость. Так было нужно, иначе на вытяжке

кость бы очень долго срасталась, а у нее остеопороз, ну это типа, когда кальция мало в костях, и они хрупкие и срастаются медленно, как сказал врач- иногда вообще не срастаются. В общем то болт в ноге— это не так уж плохо. Я больше всего боялась перелома шейки бедра. Шейка бедра никак не оперируется и вообще надо просто лежать и надеяться на лучшее. Короче, после больницы бабушку мы привезли домой и она, да с болью, но могла встать и ходить по квартире с ходунками. Лучше было не делать этого без присмотра, но кто ее удержит? Однажды я ушла из квартиры, но забыла что-то и вернулась. Меня не было секунд 40 может, но дома меня уже встретила смешная картина- бабушка с этими ходунками дошла до холодильника и стояла там, что-то очень тщательно рассматривала. Может ела... Я не знаю. Я посмеялась и тайком снова ушла, зачем ее тревожить. Бабушку не надо было оставлять на ночь одну. Ну я оставляю. Ну как, незаметно для нее. Вечером укладываю ее спать, сама уезжаю ночевать к парню. Утром я приезжаю и все- как будто ничего не было и никуда никто не уезжал. Однажды я, по отработанной схеме, уехала, оставила её, но вот утром- задержалась. Была суббота, мне самой никуда, кроме бабушки не нужно, и я проспала. В общем, я часов в 13 дня, вместо положенных 9 утра, еду домой. Ну это не беда, скажу была на пробежке или в магазине, господи- бывает. В дороге мне звонит папа.

—Ты где?

– Еду вот домой. Была у Лешы.

– Почему она трубку не берёт?

– Ну, может спит.

Папа всегда паниковал заранее.

– Что, то случилось, что-то точно случилось, едь скорее.

Я паниковать не привыкла, что может случиться? В конце концов, может телефон завалился за кровать, и она слышит, но не может дотянуться. Все нормально. Все нормально. Я приезжаю домой и здесь все вообще не нормально. Бабушка лежит в коридоре, в какой-то непонятной позе, кричит. Жива. Она слышит, что я вошла.

– Ох Улечка, я упала.

– Баб, ты зачем одна встала?

– Я тебя ждала, ждала, но не дождалась, встала в туалет, а этот ходунок поехал, я и грохнулась.

Сама поднять я ее не смогла. Тяжелая. Мы вызвали папу, он приехал, поднял на кровать. Посидел с ней. Забавно было наблюдать за её эмоциями. С одной стороны, упала, разнервничалась, ситуация вообще неприятная, с другой стороны-приехал сын, сын её поднял, сын уделяет ей время. В общем, после падения у бабушки началась сильная боль, за простой ушиб это уже не сходило. Мы вызвали скорую, свозили ее на рентген. Оказалось- трещина. Небольшая трещина в этой поганой шейке бедра. Я ненавижу эту кость в человеческом теле. Ну есть у нас шея- нормальная же вещь, зачем нам еще какие-то шейки? Шейка матки и вот эта шейкабедра. Зву-

чит короче, априори хрупко и печально... шейка... как та утка, что затупила и не смогла улететь зимой в тёплые страны... Хрупкая уязвимая и грустная часть русской литературы, коварная и непостижимая часть человеческого организма... Лед сужается вокруг серой шейки. И серая шейка начала бояться, как боялся заяц. Бедная даже не могла любоваться творившимися кругом нее чудесами...

Кстати, шейке этой сломала крыло лиса. И потом шейка замерзала, а лиса ходила ее терроризировала. Ну я же не лиса, я не специально, ей это крыло, то есть шейку сломала. Я просто... проспала, задержалась, ну ... должна же быть у меня и своя жизнь!

И к тому же, в ней, в этой шейке... просто трещина. Мы просили оставить бабушку в больнице, нет, не смотрите так на меня... Просто в больнице, там все-таки лучше уход, и лекарства, но нам сказали: ничего сделать не можем. Надо просто лежать и ждать. Это зарастет. Лежать и ждать. Ждать и лежать.

Лиса стала приходить каждый день- проверять, не застыла ли полынья вокруг серой шейки.

16.

Две! А дважды две четыре, но я отличница и хочу, чтобы получилось пять! Мне нужно добрать всего одну! Пусть следующая будет одна! Пожалуйста, господи, если ты есть, пусть

будет одна! Но следующий тест вообще то не с полосками, а со сраным крестиком. Так что получается, у меня четыре с плюсом! Такой результат совсем не для отличницы... для отличницы вообще то это пятерки и заводить детей в браке, а эти мои достижения никуда не годятся. Отличницей меня вообще то сделали насильственно, маме было пофиг, а вот семье отца: папе, бабушке деду, дяде-совсем не пофиг, должна учиться на пятерки! За четверки всегда ругали, а за эту четверку с плюсом они меня вообще убьют. Мама не убьёт, она мне посоветовала фильм, точнее мы вместе его смотрели: «Ребро Адама» называется, советский такой фильм, там типа похожая на нашу ситуация, квартира с лежачей бабушкой и девочка забеременела, и в общем она оставила ребёнка, а бабушка в конце умерла. Там бабушка, прежде чем умереть, она встала и пошла по квартире. Это называется как-то, ну есть такой термин, что якобы перед самой смертью, у человека вдруг случается выплеск энергии. Вот мой папа всегда ждал этого выплеска энергии от бабушки, ну вернее, как ждал, может боялся, а может все-таки и ждал... В общем, в любое улучшение бабушкиного психического или физического здоровья, он говорил: это ненормально, это ненормально, это похоже на агонию перед смертью. Глупости, на самом деле, у всех же бывают дни похуже и получше. У меня, например, сегодняшней день сильно подкачал. Да.

Однажды вечером, вместо привычного стука, слышу из бабушкиной комнаты какой-то нечеловеческий грохот. Бегу, забегаю. И передо мной такая картина... Ну какая, сейчас опишу. Комната залита золотым светом, и в этом золотом, закатном свете парят клубы пыли. В углу кот с беличьим хвостом и зрачками по 5 рублей. В центре комнаты бабушка, глаза по столько же. На коленках коробка с новой ортопедической парой обуви. На полу еще три коробки. Они все, эти бабушка, кот и коробки, выглядят так, будто обвалился потолок. Но потолок на месте, только со стены облетела побелка. Видимо кот лазал по шкафу и уронил все. Бабушка напугана, но картина красивая. Пейзаж замершего времени. Я однажды видела похожий. Вечером шла мимо футбольной коробки во дворе и там, будто в рапиде, дворовые ребята гоняли мяч в медленно кружащихся золотых облаках перьев. На этой коробке ночевали бомжи, притащили с помойки туда подушки и матрасы и, видимо, подушка какая-то порвалась, ветер разнес перья по полю. Их так быстро не убрать, а играть надо. И вот эти дети, в красивом и медленном моменте своего золотого периода. Они не понимают как это волшебно, и вообще играют не замедленно, а просто играют. А им бы задержать это мгновение на подольше. Закатные лучи, золотые перья, детство. Закатные лучи, парящая побелка, старость.

Бабушка в это мгновение не то, что замедлилась, она вообще застопилась, просто сидела и смотрела на меня. Поте-

ряла дар речи.

– Бабулечка, тебе по голове ударило? Нет? Не переживай, это кот уронил коробки. Все хорошо.

Я глажу бабушку по голове, бабушка медленно размораживается, а этот момент замораживается в моей памяти.

18.

Бабушка обожает Баскова. После Максима – это второе, что я ей постоянно включаю на планшете. Концерты Коленьки!

– Тьфу, я не понимаю, зачем он бороду отпустил. Был такой красивый мальчик ...

– Хочет, наверное, как-то солиднее выглядеть.

– Но с бородой ему плохо.

– Ну да.

Вообще, это большая удача, когда Коленьку включать приходилось не на планшете, а он пел на радио! У бабушки дома было 2 УКВ-шных приёмника. И слушали мы там самое популярное ... и скорее всего единственное радио, которое еще вещало на УКВ волнах- Радио России. Ра- Ди- ООО рАсс-И-И-И. В общем, радиоприёмник стоял прямо у бабушкиной кровати, можно дотянуться рукой, так что она могла сама переключать ... что я говорю, переключать... переключать там не куда... Регулировать громкость. Иногда сидишь на кухне. И оп! В дальней комнате концерт, на всю громкость поёт Коленька. Коленька пел так громко, что ка-

залось, зайдешь в комнату, а он живьем сидит на тумбочке и «Вздыхает шарманка, о чем-то жалея». Вообще, мне нравилось, что у бабушки есть еще хоть что-то, благодаря чему она может сама управлять своей жизнью, понимаете, это же так важно, даже если это что-то – это мaaaленький бегунок громкости на радиоприёмнике. То есть ты уже не можешь сам дойти до туалета, не можешь сам раздобыть еды, с телефоном у нее вообще давно не ладилось, не понимала она, как нажимать эти кнопки. Но вот Радио! Громкость радио у нее была! И это замечательно! Но вообще то совсем скоро радио тоже стало препоной. Стук.Стук.Стук.Стук.

– Баб, что?

– Прибавь радио, а!?

– А сама?

– Я пытаюсь, у меня не выходит.

Это правда, она почему-то стала своими сухими пальцами еле-еле дотягиваться до этого бегунка. Ну казалось бы, сделай усилие, маленькую потугу, возьми обратно в руки эту черную пластмассовую, блять, мелочь. Возьми – и будет Коленька, или не будет никого, или будет поэт Андрей Дементьев читать свои стихи, возьми бегунок, узнай погоду, потом перескажешь мне и мне не придется гуглить.

– Уля, сегодня будет дождь.

– Че это? Тебе приснилось что-ли?

– Нет. По радио передавали.

Ну вот, возьми бегунок, просто рывок и он снова у те-

бя под фалангой. Возьми ну пожалуйста. Но нет, сухая рука что-то шурудит рядом, справа, слева, но никак... никак не в нужном месте. Просьбы прибавить или убавить радио выводят меня больше всего. Я хлопаю дверью, выхожу в коридор, кидаю что-то в стену и кричу, кричу в немом рыбьем крике, ну просто рот открываю. И так типа, ну как в сонном параличе, когда кричишь без голоса. И вот я в этом сонном параличе, а за стенкой. Стук.Стук.Стук.Стук. Глухой стук, как гласит сонник- снится к смерти близкого родственника.

19.

А мы начинаем утренние упражнения. Дыхательная гимнастика Стрельниковой.

– Ших. Ших. Ших. Ших. Баб, че как вяло? Давай! Давай! Ших. Ших. Ших. Ших. И кошечка. Ши. Ши. Ши. Ши. И ручками обнимаем себя любимых. Сих. Сих. Сих. Давай не ленись, как следует делаем.

– Уля, не хочу.

Дыхательная гимнастика – это необходимо для лежачего человека.

– Бабушка, давай, давай, еще два подхода. И кивок. Ших. Ших. Ших. Ших.

– Я устала, Уля.

– Какое устала, ты только встала. И ручки над головой сжимаем. Ших. Ших. Ших. Ших. Хорошо, продолжаем, ручки выше, ладошками оп.

Дыхательная гимнастика необходима, потому что легкие лежащего человека не вентилируются сами по себе.

– Не хочу

– Давай, давай, у нас еще десять упражнений. И носочки на себя. Ши. Ши. Ши. Ши.

Чаще всего лежащие больные умирают не от лежания как такового и даже не от пролежней. Они умирают от пневмонии. В легких скапливается жидкость и потом, если не гулять и не принимать вертикальное положение, ее никак отсюда, эту жидкость, не вытурить. Еще дыхательная гимнастика необходима для мозга, она насыщает его кислородом, пускает кислород по всему телу и больше его никак отсюда не вытурить и слава богу!

– Ших. Ших. Ших. Ших. Бабушка, ну я для кого стараюсь? Руки в стороны, чего они у тебя как плети? Ших. Ших.. Ши...

– Да не хочу, я, все.

Бабушка прячет руки под одеяло. Поднимает подбородок. Закрывает глаза.

– Баб...

– Баб...

– Ну не хочешь как хочешь, капризная какая.

К дыхательной гимнастике нас приучил дед. Ну как приучил, он был очень старательный, делал эти «шихи» каждое утро по полтора часа. Потом еще «шихи» на природе. Дедушка прочитал, что дыхательная гимнастика продлевает жизнь. Он свою хотел продлить как можно на подольше.

Ших. Ших. Ших. Ших. Но дедушка все равно умер. Все умирают. Он ушел легко и быстро. Инсульт и сразу смерть, врачи сказали, он не мучился. Может гимнастика помогла. Может она не жизнь продлевает, а смерть делает короче. Дед такой раз и все. Он умер в 78 лет. Когда дед умер, я поняла, какой цвет у смерти. Не черный, как всегда ее рисуют, а белый. Потому что бабушкина рыжая голова день за днем после смерти деда становилась белее и белее. Рыжий фронт беспощадно отступал. На голову заступала армия белых седых волос.

– Ба, давай я тебе хну куплю и покрашу?

– Да зачем теперь.

Рыжий фронт отступал все дальше, а потому был окончательно отрезан ножницами. Видимо, бабушка еще с чем-то кроме деда попрощалась. Но вообще-то, белый ей идет. Она похожа на какую-то немку, или что-то скандинавское. Рыжий был безвкусный, если честно. К тому же, из рыжего у нас щас есть кот. Пушистая, бешенная, ласковая жизнь еще ходит по нашему дому.

Иногда в середине дня звоню.

– Баб, че делаешь?

– Лежим с рыженькой.

Кот приходил и ложился бабушке на больные ноги. Мы всегда говорили: лечит. Мол, он чувствует, где у нее болит. Кот ложился у паха, где переломанная шейка бедра. Мурчал и долго не уходил. Может он справится и правда вылечит ей все там.

– Ну лежите, отдыхайте, я буду вечером.

– Давай миленькая.

Потом, из серии Доктора Хауса, я узнала, что у кошек просто тонкая чувствительность к температурам, и они ложатся туда, где есть воспаление, потому что там тело горячее. Вот и все. А есть ли у этого целебные свойства. Я не знаю, в Докторе Хаусе про это не было.

20.

У вас есть знакомые, у которых день рождения в первых числах октября? Недавно я выяснила, что октябрьские – это дети Нового Года. Как выяснила? Ну просто... вот... подсчитала. Ну а подсчитать это не сложно. От предполагаемого момента зачатия отсчитываем 9 месяцев. С начала января, как раз до начала октября. Ровно 9. С боем курантом мы вступаем в новый год, и какой-то быстрый сперматозоид вступает на территорию женского тела! Ура! Пусть все будет по-новому. По-новому, хуёвому. Возможно, не так буквально. Начало октября это по гороскопу- весы. Полные сомнений и всегда между двух огней. Они типа вечно взвешивают: так поступить или эдак. Курица или рыба. Брюки или джинсы. Кофе или чай... Жизнь или смерть. Жизнь или смерть... Значит... в октябре?

21.

Когда у бабушки был юбилей, 75 лет. Мой дядя, тот са-

мый дядя, подарил ей шикарный махровый бирюзовый халат. Шикарный это я не стебусь, правда, халат очень клевый. Но у бабушки такой стиль жизни, почти ничего из новых вещей она сразу не носит. Кладет в шкаф- на будущее, пригодится попозже, желательно не ей, а кому-то из нас. Наследство. Я жалела, что такой красивый халат просто висит в шкафу, к тому же боялась, что его тупо пожрет моль. И вот недавно бабушка выдаёт.

– Уля. А халат, который мне Олег подарил, он у нас где?

Ну ничего себе, какая-то новая фаза, бабушка решила изменить своим правилам. С другой стороны, щас, конечно, для такого красивого халата не лучшее время. Эти миазмы, кал... ну понятно. Но если ей хочется- пожалуйста. Я только за!

– Да вот он висит.

Я открываю шкаф, достаю прекрасный, еще даже в подарочном пакете, халат.

– Ну вот и хорошо.

– Хочешь надеть?

– В нем меня и похороните.

– Баб, ты че? В халате? Я, конечно, понимаю, в гроб в белых тапочках, но халат – это что-то новое.

– Все эти сорочки похоронные, они же денег стоят, а халат красивый.

– Ну ладно, полотенце тебе на голову надеть в гроб?

–Зачем?

– Ну типа, вышла из душа, накинула полотенце, махровый халат и прилегла в гроб. Эстетика.

– В общем, денег на платье не тратьте, похороните в халате.

– Хорошо.

22.

Бабушке в глаз попала какая-то инфекция, или что-то. Глаза все время слезились. Мы вызывали врача, он прописал капли. Мы капали, и капали, и капали ей в глаза. Но не помогало, глаза стали уменьшаться в размере. Две черные блестящие точки под складкой кожи век – вот что сейчас были её глаза. И из мира стали исчезать: Стена. Ковёр. Часы. Дверь. Кусочек коридора. Кусочек входной двери. Радио. Одеяло. Собственные ноги. Иногда кот. Её глаза чаще всего были закрыты или слезились, или истошно терлись сухими пальцами.

–Баб! Давай включу Баскова!

Тишина

–Баб, Коленьку!?

...

–Баб!!!

На ютубе не находятся хорошие песни Баскова. Ну старые, те самые, Шарманка или что-то такое. В основном новые песни и новые клипы, они какие-то дурацкие, эти песни и клипы, ну мне не нравятся, ей вроде тоже. Но я все-равно

включаю это на планшете.

–Баб!?! Ты узнаешь Баскова?

–Баб!

Странные попытки разбудить бабушку Колей Басковым. Она не реагирует, сейчас она все время в каком-то обиженном состоянии. Но вроде даже не на меня. Хотя признаки все те же: глаза закрыты, подбородок вверх. Так люди делают, чтобы не плакать, но бабушка не плачет, у нее это все еще похоже на злость. Как будто она окончательно обиделась на жизнь, злится и не хочет с ней разговаривать. Ее мир сомкнулся до диапазона закрытых глаз. Я не знаю, что видит она сейчас там: меня, или Коленьку без бороды. А может она уже ничего не видит там, в своем мире. Точнее вру, кое-что ей в голову все-таки приходит. И в основном это не очень... ну такие вещи. Возвращаюсь я как-то домой, она меня спрашивает:

–А где та девочка?

У меня по спине холодок пробежал.

–Какая девочка?

–Ну та, что...

Она вдруг осекается, замолкает, видимо, понимает, что миры перепутала.

–Какая девочка-то?

–Все, никакая.

И так много раз было. Надеюсь, это хотя бы были девочки и мальчики из передачи Галкина. И приходил Албан из Ка-

ракола, рассказывал про животных субтропиков, маленькие гимнасты Артем и Кирилл делали сальто, а циркачка Лиэль крутила кульбиты на обруче. В следующий раз надо что-ли обруч достать, может Лиэль он пригодится.

– Баб, Коленька поёт! Ты узнаешь?

Она не узнаёт. Я сижу на кровати у её ног. Пытаюсь разглядеть в этих черных точках под морщинистыми веками, в сухом, обтянутом кожей черепае, намек на прежнюю бабушкину улыбку.

Коля поёт:

«Ну кто сказал тебе, что любви не бывает? Что сердце не тает, без любви, без тебя.»

23.

Все знают про такую вещь, как декрет по уходу за ребенком. Но вот нету почему-то у нас декрета по уходу за пожилым человеком. А какая в общем то разница? Нет, конечно, социуму нужны здоровые дети, которые проведут первые три года рядом с мамой, не оберутся детских травм, оберутся, конечно, но все же не так это страшно.

– Да, старики никому не нужны

Это самая популярная фраза среди тех, кто старше 70. Бабушка тоже часто это повторяет.

– Ну мне ты нужна.

– Что ты! У тебя своя жизнь... Свои проблемы..

Да уж это верно подмечено, у меня свои проблемы... у

меня еще какие проблемы... Так про что я? Про декрет! Декрет для стариков... Так вот... Если мы не говорим о социальном устройстве и обществе. Ведь что уход в жизнь, что приход в нее – это самые тяжелые ее части. Это как взлет и посадка. Все переживают, когда взлетает самолет, но аплодируют почему-то, после посадки. Почему же тогда нет этого вот в конце человеческой жизни? Пусть человек заканчивает свой полет как хочет. Да? А если отказали шасси.. или перелом шейки бедра или что-то еще хуже... Вот сейчас я буду перечислять вещи: веревки растянутые под потолком, на этих веревках куча стиранных простыней, пелёнки, присыпка для попы, варить каши, детское пюре, разбудить, накормить, уложить спать, поговорить, даже нежность. Все это про одно- беспомощность про детскую и про старческую беспомощность. Это же одно и то же. И взгляд у них похожий, такой жалкий. «Что это за мир? В нем страшно, а я такой один, я маленький беззащитный и я обкакался, приди и помоги мне» – все это, оно же про оба декрета. И этот страх... того мира... того другого мира, из которого один только пришел, другой только отправится. Вы думаете, это легко, осознавать близость этого страшного мира, не важно, сзади он или впереди, мне кажется, он так просто не отпускает. Нужно чтобы кто-то держал за руку, поддерживал спину, посыпал присыпкой от опрелостей или от пролежней... ну нужен кто-то постоянно рядом. Нужен и всё! Но вообще-то я лукавлю, у нас есть в стране какое-то опекунство или что-то вроде того.

Его можно оформлять после 80 лет. О! Бабушка с нетерпением ждала своего 80-тилетия. Но не из-за опекуинства, а из-за пенсии. После 80 лет ей будет надбавка, за выслугу лет и типа там дитя войны, вредное производство... все в кучу. Когда ей все-таки стукнуло 80! Во-первых, мы с котом нарисовали плакат. Ну как, я рисовала, кот поставил отпечаток лапы. И он, этот плакат, украсил стену около бабушки. И, пожалуй, на этом все из украшений. Те пять бирюзовых бумажек, которые прибавились к пенсии, ничего в нашей жизни не украсили. Они просто легли в золотой фонд под названием «на похороны». И все... даже никакого торта. И стоило так ждать? Нет, конечно стоило, ведь бабушкиной подруге Вале пенсию не подняли. Ну хоть так, хоть какой-то повод для гордости.

24.

Я рано утром собираюсь на работу. На дворе осень, в квартире нас темно. Наверное, еще слишком рано, 6 утра. Бабушка лежит с закрытыми глазами. У нее уже несколько дней проблемы с кишечником. Она с трудом ест, в основном не твердую пищу. Вот наконец- то пришлось кстати пюре от дяди. Но бабушка, не хочет даже пюре.

– Баб, давай покушаем.

Она почти не открывает рот, только что- то мычит. Я не знаю, с кем она общается этим мычанием, со мной или с кем-то из своего, того мира.

– Баб. Покушай. Тебе нужны силы.

Зачем ей нужны силы?

– Баб.

Зря я накрасилась перед тем, как кормить бабушку.

– Баб, давай хоть чуть-чуть. Ну ешь.

Я пихаю ей в рот пюре, макияж стекает по моим щекам, пюре по бабушкиному подбородку.

– Баб. Поешь, баб.

Я откладываю пюре. Я беру бабушкины руки. Она уже совсем не открывает глаз. Кажется, руками, общаются со слепоглухими. Пусть хоть так она почувствует, что есть какой-то внешний мир. Что есть я и что она не одна. Руки у нее сухие и теплые. Я держу эти руки перед работой каждый раз в страхе, что приду, а в них останется только сухость и никакого тепла.

– Бабушка, я здесь, я здесь, миленькая. А где ты?

Вот именно, блин, где ты?

25.

И вот я сижу на кухне и ем суп. Рядом со мной сидит Леша. В комнате с бабушкой моя мама. Бабушка стала дышать через раз. Долгими странными вдохами. Я держала ее за руки минут пять назад, а теперь вот ем суп со слезами. По какому поводу суп?... Ну да, вы уже знаете. Моя мама верит в Бога, и она пошла туда, к бабушке, чтобы прочитать какие-то специальные молитвы. Она сказала, с ними человеку проще

уйти... Я ем свинцовой ложкой свинцовый суп. Ну да, это вы тоже уже знаете. И было бы тихо на кухне, потому что мы молчим. Но из той комнаты доносится ровный мамин речитатив. Или не речитатив, а как называется эта манера, когда молитвы читают? Мама хорошо читает молитвы, со знанием дела. И этот миг, и этот суп длятся вечность. Тарелка размером с мою печаль. М-да. Пошлость, но мне в этот момент совершенно ничего нормального не приходит на ум. Я думаю просто, что бабушка этот суп бы не оценила, она любила... она любит вприкуску с чесноком, и чтобы был понавари-стее. А тут чеснока нет и слезы разбавляют вкус, так что даже нельзя понять, какого вкуса этот сраный суп. Понимаете, невозможно понять какого вкуса этот суп, какого вкуса эти слезы? Каких слез этот вкус? Какого супа эти слезы?

– Всё.

Это моя мама вышла из комнаты. И сразу стало все понятно, всё, кроме одного. Надо ли теперь доедать суп? Нет, не смейтесь, я растерялась. Даже плакать теперь, я не понимаю... надо? Я уже столько наплакала в этот суп... Я знаю, что должно сейчас начаться. Сейчас я буду звонить в скорую и еще в полицию. Они должны все приехать зафиксировать факт смерти, что не мы типа ее убили, а она сама... себя. или как-то так, в общем, понятно. И дальше нотариус, ритуальные услуги. Но это потом, а сейчас пока тупая пауза. Я зависла над пропастью тарелки с этим супом. Нет, бабушке бы такой точно не понравился, она любит... она любила пона-

варистей и с чесноком. Ситуацию спас Леша. Ну как спас...

– А помнишь, я тогда сказал, что она умрет в октябре?

– М?

– Я не специально, честно.

– Что?

– Ну я угадал.

– Что угадал?

– Сегодня первое октября.

Первое октября... Те, кто родился в первых числах октября – это дети Нового Года.

Конец.